

Сун Гуйчэн приготовил блюда, которые вызвали всеобщий восторг. Исключением стал лишь дядюшка Ли: он ел, то и дело косясь на Сун Гуйчэна и украдкой наблюдая за ним.

Прямо какой-то извращенец-вуайерист.

Сун Гуйчэн нахмурился, и дядюшка Ли, поймав его взгляд, поспешно и смущенно отвел глаза.

Когда пришло время убирать со стола, Сун Гуйчэн похлопал дядюшку по плечу и мягко произнес:

— Дядюшка Ли, не могли бы вы зайти ко мне в комнату чуть позже? Есть пара вопросов.

Старик, услышав свое имя, просиял и закивал:

— Конечно, конечно, жди меня, я приду.

Ли Цинтун, услышав это, бросил на Сун Гуйчэна косой взгляд, но не проронил ни слова.

Сидя на кровати, Сун Гуйчэн принялся систематизировать информацию, полученную за эти два дня.

Во-первых, жители деревни твердили, что Ли Цайся умерла от болезни, но, судя по поведению тетушки Ли, они явно чего-то недоговаривали.

Во-вторых, староста деревни — не живой человек, и, скорее всего, тот молодой парень, что вчера выходил в туалет, тоже.

В-третьих, ночные звуки терзаемой плоти были ужасающими; человеческие зубы не способны дробить кости.

В-четвертых, бумажные человечки в поминальном зале — самая очевидная и близкая угроза. К этому стоит добавить странные звуки на кухне и пугающе спокойного Ли Цинтуна.

Все указывало на то, что это не обычная горная деревушка, а основное задание вряд ли ограничится простыми похоронами.

— Сяо Сун, я пришел, — дядюшка Ли просунул в дверь свое лицо, расплывшееся в сальной улыбке. — Зачем звал?

— Дядюшка, — Сун Гуйчэн улыбнулся, и его тонкие черты лица стали еще привлекательнее, — присаживайтесь, я хотел кое-что спросить.

Старик, не раздумывая, подошел, плюхнулся рядом с Сун Гуйчэном и сально уставился на него:

— Спрашивай о чем хочешь, дядюшка Ли все расскажет.

— Дядюшка Ли, как так вышло, что Цайся обручилась с сыном старосты?

— Ну... — старик заколебался, но, встретившись с ожидающим взглядом Сун Гуйчэна, все же ответил: — Сяо Сун, чего уж скрывать, сын старосты хоть и дурачок, зато условия у них завидные. Выйдет замуж — будет только жить да радоваться.

Сун Гуйчэн нахмурился. Сын старосты — слабоумный? Он усмехнулся: какой отец отправит дочь в пасть к такому человеку? Это же прямая дорога в ад.

Старик продолжал бормотать:

— Что она, девчонка, понимает? Староста готов выложить шестьдесят шесть тысяч в качестве выкупа. Выйдет замуж, свекор — единственный начальник, а муж-дурачок — им же так легко крутить...

Сун Гуйчэну стало тошно слушать этот бред, и он перебил:

— А от какой болезни умерла Цайся?

— Мы-то откуда знаем? — замямлил старик. — Мы же не врачи. К кому надо было — сводили, лекарства давали, а она все равно померла. Видно, судьба такая, кого винить?

Он презрительно хмыкнул и прищурил свои маленькие глазки:

— Не то что ты, Сяо Сун. И собой хорош, и готовишь вкусно, и такой обходительный. Давай-ка, дай дядюшке тебя потискать.

Он потянулся к Сун Гуйчэну, пытаясь притянуть его к себе. Сун Гуйчэн, выбрав момент, ловко вывернул старику руку и с размаху ударил его кулаком в живот.

В комнате было темно, узкое окно почти не пропускало света. Сун Гуйчэн прижал старика коленом, нанес еще один точный удар в лицо, отчего тот взвыл и принялся молить о пощаде.

Дядюшка Ли выглядел крепким, но годы пьянства превратили его тело в труху. Не выдержав и пары ударов, он повалился на пол, умоляя пощадить его.

Сун Гуйчэн поднялся, отряхнул руки — на одежде не осталось ни пылинки — и, даже не взглянув на поверженного врага, вышел из комнаты. Он похлопал старика по плечу еще в столовой, чтобы убедиться, что тот живой. А если живой — чего его бояться?

С такими извращенцами разговор короткий — только кулаки.

— О да, это было круто!

— Давно ждал, когда он ему врежет.

— Сун Гуйчэн, ты слишком хорош!

— Подписываюсь на этого стримера!

Зрители трансляции тут же нарезали этот фрагмент и выложили в сеть под заголовком: Шок! Игрок избивает NPC! Истинная причина...

Количество зрителей и подписчиков на канале мгновенно взлетело.

...

Когда Сун Гуйчэн вышел из комнаты, прямо у двери стоял Ли Цинтун. Неизвестно, как долго он там простоял.

Сун Гуйчэн встретился с ним взглядом. Оба молчали, на лицах не дрогнул ни один мускул. Ли Цинтун бросил равнодушный взгляд на стонущего на полу дядюшку Ли, затем отвел глаза и отошел в сторону, пропуская Сун Гуйчэна.

Тот сел на стул у входа. Руки слегка дрожали — драться ему приходилось нечасто, но если нужно защитить себя, он не станет медлить.

Он задумчиво уставился на гроб. Вспомнил, что собирался сегодня днем осмотреть его получше. Отодвинув жаровню, он присел на корточки и заметил на крышке вырезанный узор, ярко-красный, словно нарисованный кровью.

На гробу был изображен свирепый мужчина с мечом, с глазами навыкате и густой бородой. Присмотревшись, Сун Гуйчэн узнал Чжун Куя — когда-то он читал об этом в истории древнекитайской мифологии.

Это было странно. Обычно на гробах рисуют журавлей или облака — символы удачи. Но Чжун Куй — бог, изгоняющий призраков. Использовать его образ, да еще и нарисованный кровью, могли только с одной целью — подавить то, что находится внутри.

Сун Гуйчэн предположил два варианта: либо покойница совершила самоубийство, либо ее убили. Впрочем, в этой семье любой исход был неудивителен. Красота при бедности и такой отец — это обоюдоострый меч, а семья становится палачом.

Он опустил глаза и с уважением поклонился перед ковриком для молитв. Умереть при таких обстоятельствах, став жертвой заговора, — это значит не найти покоя и после смерти.

Но как именно умерла Ли Цайся? Спрашивать бесполезно: тетушка и дядюшка Ли явно избегали этой темы, а насчет Ли Цинтуна... лучше и не начинать.

Важно ли это? Основное задание — похороны, а не детективное расследование.

Несмотря на эти мысли, он долго не вставал с коврика, глядя поверх гроба на фотографию девушки с застывшим выражением лица. Теперь он понял, почему оно было таким — это не была апатия, это была боль.

Сун Гуйчэн потер запястье. Есть вещи, которые не позволяют ему следовать за толпой, и главная из них — его совесть.

Наконец, словно приняв решение, он медленно поднялся. По крайней мере, в пределах своих сил и при условии собственной безопасности, он хотел докопаться до истины.

Он взглянул на небо — оно по-прежнему было серым, тяжелым, от которого не хватало воздуха.

Сун Гуйчэн добавил три палочки благовоний в курильницу перед портретом. В этот раз они не сломались, а тихо тлели, источая успокаивающий аромат.

В главной комнате было четыре двери — по две с каждой стороны. С восточной стороны одна принадлежала дядюшке и тетушке Ли, с западной в одной жил он сам, оставались еще две.

Он направился на восток и осторожно толкнул дверь. Раздался скрип, и комната предстала перед ним.

Обстановка здесь была куда лучше: кровать, шкаф с книгами, письменный стол у окна. Окно было большим, света — хоть отбавляй.

Это была не комната Ли Цайся — он понял это сразу. Нелюбимую дочь не поселили бы в таких условиях. К тому же, здесь стоял чемодан, принадлежавший брату, который вернулся из города.

Оставалась последняя комната, по соседству с его собственной.

Стоя у двери, Сун Гуйчэн вытер пот с ладоней и взялся за ручку. Толкнул дверь, и в нос ударил резкий горький запах, заставивший его закашляться.

Комната была бедной: кровать да стол. Единственное, что напоминало о девушке, — маленький цветочный горшок на подоконнике. Листья пожелтели и поникли от недостатка света и ухода.

Температура здесь была на пару градусов ниже. Он дважды обошел комнату, но ничего не нашел. На кровати лежала аккуратно сложенная одежда — простая, скромная, подчеркивающая бережливость хозяйки.

Стол был чист, ни пылинки. В выдвижном ящике лежали нитки, иголки и ножницы. Осторожно перебирая вещи, в самом углу он нашел сложенный листок бумаги.

Развернув его, он увидел список: олеандр, коричник, горчак, шафран, мускус...

— Ребята, ничего не напоминает?

— Любители дворцовых интриг в чате?

— Я тоже!

— Значит...

— Офигеть, неужели это то, о чем я думаю?

— Хватит загадками говорить, объясните!

— Эй, ты там свою девушку караулил, дождался?

— Да тут я, тут! Так что вы там поняли?

Если бы Сун Гуйчэн увлекался сериалами про дворцовые интриги, он бы сразу понял, что это рецепты для прерывания беременности. Но он не смотрел даже обычные сериалы.

Он задумчиво смотрел на рецепт. Травы обладали кровоостанавливающим действием, но в китайской медицине важна мягкость, а тут — сплошь холодные компоненты. Более того, олеандр с коричником ядовиты!

Он нахмурился. Девушка и так страдала от холода, как ей могли давать такое? Горький запах пропитал стены — лекарство принимали долго и в больших количествах.

Преодолевая страх, он осмотрел комнату и заметил на потолочной балке потертости. Он хотел привстать на цыпочки, чтобы разглядеть их получше, как вдруг дверь, стоявшая нараспашку, сама собой начала закрываться.

Сун Гуйчэн бросился к ней, схватился за край, но почувствовал, что какая-то огромная сила тянет дверь, пытаясь запереть его внутри.

Он рванулся изо всех сил, пытаясь протиснуться в щель, но, когда наполовину выбрался, сила снаружи возросла. Острая боль пронзила живот, казалось, его руки, ноги и голову сейчас разорвет на части.

— Что ты здесь делаешь? — Ли Цинтун вышел из своей комнаты. Дверь, которая секунду назад была тяжелее скалы, легко подалась под его рукой.

Воспользовавшись моментом, Сун Гуйчэн выскочил наружу. В тот же миг дверь с грохотом захлопнулась, едва не задев его по спине.

Он повалился на пол, не в силах вымолвить ни слова. В руках он сжимал горшок, на лице отпечатался след от двери, вид был жалкий.

— Я... я не думаю, что Цайся умерла от болезни, — прерывисто дыша, проговорил он. — Решил посмотреть ее комнату.

Сун Гуйчэн поднял голову. С этого ракурса он видел лишь опущенные веки Ли Цинтуна, высокий нос и тонкие бледные губы.

Спустя мгновение Ли Цинтун тихо произнес:

— Болезнь или не болезнь — какая разница?

Сун Гуйчэн с трудом поднялся, опираясь на стену. Тело еще дрожало от боли. Он взглянул на покрасневшую левую руку и потер ее об одежду.

— Разница есть. Ее жизнь и ее смерть — кто-то должен был это увидеть.

Ли Цинтун бросил на него равнодушный взгляд, уголок его рта едва заметно дернулся, словно в насмешку над его наивным идеализмом.

Сун Гуйчэн почувствовал эту насмешку, но промолчал. Прижимая к груди горшок с цветком, он прошел мимо него.

Он пересадил растение в землю перед домом. В тесном горшке ему не хватало ни света, ни питания. Только в открытой почве, под ветрами и дождями, среди бурь и снегопадов, оно сможет выжить.

Весь вечер он изучал рецепт. Он не был врачом, но понял одно: это лекарство наносит серьезный удар по почкам и печени.

Ли Цинтун не появлялся до самого ужина. На столе, помимо вареного тофу, появилась жареная зелень. Сун Гуйчэн был готов расплакаться — наконец-то хоть что-то съедобное.

Дядюшка Ли сидел с синяками на лице, каждое движение причиняло ему боль, но никто не обращал на него внимания. Сун Гуйчэн игнорировал полные страха и ненависти взгляды

старика, уткнувшись в тарелку.

Если он наестся досыта сейчас, ночью его не потащат к столу на «полуночный перекус».

Наступили сумерки. Бескрайние поля из изумрудных стали пепельно-серыми. Сун Гуйчэн стоял у входа, вглядываясь в черную бездну ночи, готовую поглотить все живое.

Жители деревни с факелами и свечами потянулись к дому Ли. Огоньки на узкой тропинке отражались на их лицах мертвенно-серым светом.

Староста выглядел еще хуже, чем вчера: зрачки расширены, лицо одутловатое, точно труп, пролежавший в земле несколько дней. Сун Гуйчэн невольно нахмурился — похоже, никто, кроме него, не замечал перемен в старосте.

Зажглись свечи, в жаровне вспыхнула погребальная бумага. В поминальном зале стало шумно — о смерти человека уже почти забыли.

Сун Гуйчэн взялся за работу — разносил чай, убирал со столов. Женщины в зале болтали:

— Дату похорон назначили?

— Да, завтра вечером.

— Ох, бедняжка, только начала жить, и такая болезнь.

— Вышла бы за дурачка — вот и вся жизнь. Не говорите ерунды.

— Вы видели сына старосты эти два дня?

— Нет. Староста говорит, как узнал, что Цайся умерла, так закатил истерику, пришлось связать.

— Хоть и дурак, а чувства есть.

— И не говори!

...

«Хлоп!» — кто-то толкнул Сун Гуйчэна, и вода из чашки выплеснулась прямо на зеленого бумажного человечка.